

© 2000 г. В.В. ГУРЕВИЧ

МОДАЛЬНОСТЬ И СЕМАНТИКА ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА

Одну из значительных трудностей при описании видовой семантики создают "нестандартные" [Гловинская 1982] глагольные пары, типа *видеть-увидеть, понимать-понять, обижаться-обидеться, покрывать-покрыть* (*Снег покрывает/покрыл землю*) и т.п., в которых глагол совершенного вида (СВ) обозначает начало состояния, выраженного глаголом несовершенного вида (НСВ) и, таким образом, сближается с глаголами "начинательного" способа действия (ср. *заснуть*), которые несомненно не составляют чисто видовую пару с исходным глаголом НСВ (*спать*). Необходимо, следовательно, выяснить, что же позволяет нам, несмотря на очевидное нарушение чисто видовой соотносительности, все же воспринимать данные глаголы как парные.

Предлагаемый ниже анализ видовых соотношений исходит из достаточно известного наблюдения А. Вежбицкой [Wierzbicka 1968] о том, что форма СВ есть лишь у глаголов, содержащих компонент "начало некоторого положения дел". Однако при этом следует учитывать, что если глаголы действительно различаются по наличию/отсутствию компонента "начало", то мы имеем дело не с чисто видовой парой, а с разными лексемами (ср. *спать – заснуть, быть – появиться, жить – родиться* и т.п.). Иначе говоря, следует исходить из того, что в чисто видовой паре компонент "начало" должен присутствовать не только в значении глагола СВ, но и в семантике глагола НСВ, где он лишь каким-то образом "затушеван".

Установить чисто видовой характер глагольной пары позволяет предложенная в свое время Ю.С. Масловым [Маслов 1948] методика, использующая тот факт, что при употреблении в настоящем историческом (а также в контексте многократности действия) форма НВ парных глаголов может выражать значение формы СВ: ср. *Он идет к доске, быстро решает задачу и садится на место = пошел, решил, сел*. С помощью этого приема нетрудно убедиться в том, что неопределенные глаголы НСВ, не имеющие в своем значении компонента "начало" (*жить, любить, спать, хотеть, сидеть* и т.п.), не могут употребляться в указанных контекстных условиях для выражения значения совершенного вида. Следовательно, в случае с парными глаголами значение СВ действительно представляет собой лишь некоторого рода "высвечивание", акцентирование скрытого в глагольном значении предельного компонента ("начало" или "конец" состояния), а не добавление этого компонента к семантике исходного глагола, как это имеет место в одновидовых глаголах СВ (см. подробнее [Гуревич 1998]).

Рассмотрим, как именно происходит такое акцентирование предельного компонента в форме СВ и его "затушевывание" в форме НВ. Вопросительное предложение с глаголом НСВ *Строит ли он дом?* означает **"производит ли он действия** с целью, чтобы они привели к возникновению дома?". Здесь в ассертивную часть высказывания (она выделена жирным шрифтом) попадает компонент "производить действия", что и создает представление о длящемся процессе; предельный же компонент "возникновение" (= "начало существования") стоит вне модальной рамки вопросительности (он охватывается отдельной, целевой модальностью: "с целью, чтобы..."), а также и вне временной рамки высказывания ("возникновение дома" относится не к настоящему

времени, а к будущему). Предложение с глаголом СВ *Построил ли он дом?* можно истолковать следующим образом: “**возник ли** дом в результате произведенных им действий?”. В этом случае в ассертивную часть высказывания попадает именно предельный компонент “начало существования”, что и создает представление о завершенности действия (достижении результата и т.п.); при этом компонент “производить действия” сохраняется в содержании высказывания, однако выходит из его ассертивной части, образуя пресуппозицию. Несмотря на различия в акцентировке компонентов в противопоставленных видовых формах – вхождение компонента “начало” в рему (ассерцию) или в тему (пресуппозицию) высказывания, сам состав семантических компонентов в глаголах *строить–построить* одинаков, что свидетельствует о тождестве лексического значения этих глаголов и, следовательно, о чисто грамматическом характере видового противопоставления. Как уже отмечалось выше, в определенных контекстах (в частности, при обозначении последовательности действий в настоящем историческом) предельный компонент может акцентироваться (рематизироваться) и при использовании формы НВ: *Он переезжает на новое место, строит (= построил) себе дом и поселяется в нем.*

Следует обратить внимание на то, что компонент “начало состояния” (как и его конверсив “конец состояния”, т.е. “начало некоторого иного состояния”) представляет собой сложную семантему, так что при его акцентировании в глаголе СВ в ассертивную часть на самом деле попадает лишь часть этой семантемы. Действительно, предложение *Работа началась в 8 часов* означает “В 8 часов **имел место процесс работы**, (которого не было ранее)”. Компонент “не было ранее” (т.е. часть “начинательного” значения) стоит здесь вне модальной рамки высказывания, образуя пресуппозицию (она отмечена круглыми скобками), что подтверждается при введении отрицания: в предложении *В 8 часов работа еще не началась* сохраняется истинность утверждения “ранее 8 часов процесса работы не было”. По-видимому, выражаемая глаголом СВ актуализация семантемы “начало” создается именно за счет противопоставления ассертивного утверждения “существует в указанный момент” (или “не существует” – для отрицательного предложения, “существует ли?” – для вопросительного) и пресуппозитивного утверждения “не существовало ранее”.

Предложение с НСВ *Работа еще не начиналась* можно истолковать следующим образом: “еще **не было такого момента**, [когда бы существовал процесс работы, не существовавший ранее]”. В этом случае не происходит актуализации семантемы “начало” (не возникает представления о завершенности, результативности, переходе к новому состоянию и т.п.), поскольку оба составляющие ее компонента стоят вне ассертивной части высказывания (она охватывает лишь семантему “не было такого момента”) и при этом не образуют пресуппозицию; в то же время оба эти компонента бесспорно сохраняются в содержании высказывания (о возможности невхождения компонентов значения ни в утверждение, ни в пресуппозицию, см. также [Богуславский 1980]). Вследствие такого “диктального” (немодального) статуса семантемы “начало” (в нашей записи он отмечается квадратными скобками) предложение с НСВ не содержит ни утверждения, ни отрицания того, что переход к новому состоянию действительно состоялся. Подчеркнем, что дело здесь не в наличии в приведенном примере отрицания, а именно в особенностях семантики НСВ, поскольку в утвердительном предложении *Такая работа уже однажды начиналась* точно так же нет актуализации предельного компонента (нет утверждения о том, что переход к новому состоянию в какой-то момент осуществился), поскольку в нем в ассертивную часть опять-таки попадает лишь семантема “существовал такой момент...”, в то время как само значение “начала” стоит вне ассертивной модальности и вне пресуппозиции.

Таким образом, значение совершенного вида создается не просто за счет наличия в семантике глагола компонента “начало”, а за счет вполне определенного модального статуса частей этой семантемы в высказывании – а именно, за счет против-

поставления утверждения “существует в указанный момент” и присуппозиции “не существовало ранее”.

С учетом сказанного, более точная запись предложения с СВ *Построил ли он дом?* будет иметь следующий вид: “**существует ли** (сейчас) **дом**, [который бы был результатом его действий]; (как известно, ранее он не существовал)”. Любопытно отметить здесь диктальный статус каузативного компонента (“быть результатом”, “быть вызванным чем-то”), опять-таки подтверждаемый с помощью операции отрицания: в предложении *Он так и не построил дом* сохраняется утверждение “ранее дом не существовал” (следовательно, эта часть начинательного компонента пресуппозитивна), однако в нем не утверждается и не отрицается, что “отсутствие дома есть результат произведенных субъектом действий” (следовательно, эта часть не охватывается какой-либо модальностью). При этом не вызывает сомнений, что компонент каузации не исчезает из содержания предложения (и из значения самого глагола): он лишь имеет “диктальный” статус.

Для предложения с глаголом СВ в страдательном залоге *Дом построен* семантическая запись будет несколько иной: “(Сейчас) **существует дом** [который возник в результате некоторых действий и который не существовал ранее]”. В этом случае компонент “существует (сейчас)” попадает в ассертивную часть, тогда как компонент “не существовал (ранее)”, также как и каузативный компонент (“быть результатом действий”), не входят в ассерцию и не образуют пресуппозицию. Именно вследствие этого, на наш взгляд, данное предложение и создает представление о “состоянии как результате действия”, а не о собственно действии; при этом сам компонентный состав лексического значения глагола здесь опять-таки не изменился – изменился лишь модальный статус частей этого сложного значения.

Подчеркнем, что семантема “начало” (“возникновение дома”) отнюдь не исчезает из содержания предложения с пассивом состояния (а лишь “затушевывается”, не акцентируется), поскольку не исчезает компонент “каузация”. Действительно, причинно-следственная связь двух событий всегда означает **наступление (= начало существования)** события-следствия вслед за событием-причиной, т.е. неизбежно включает понятие о **начале** каузируемого события. Следует, впрочем, отметить несовершенство используемой семантической записи, приводящее к некоторому повтору компонентов: в сущности, семантема “начало” уже включена в содержание выражений типа *вызывать, быть причиной (результатом)*, тогда как в приведенной здесь записи эти компоненты представлены отдельно, чтобы показать разный модальный статус частей этой сложной семантемы.

Обратимся теперь к семантическому описанию упомянутых выше “нестандартных” пар. Предложение с глаголом СВ *Поля покрыл снег* означает: (сейчас поля) **находятся под снегом**, [что вызвано выпадением снега]; (ранее этого состояния не было)”; здесь, таким образом, есть противопоставление пресуппозиции “не было ранее” и утверждения “есть сейчас”, что создает представление о переходе к новому состоянию. Указанный статус частей подтверждается при введении отрицания: в предложении *Поля не покрыл снег* сохраняется истинность утверждения “ранее снега на полях не было” (следовательно, эта часть представляет пресуппозицию), но при этом не утверждается и не отрицается, что “отсутствие снега на полях есть результат его выпадения” (следовательно, каузативный компонент диктален). В предложении с глаголом НСВ *Поля покрывает снег* диктальным статусом характеризуются как каузативный компонент, так и компонент “не было ранее”: действительно, в отрицательном варианте *Поля не покрывает снег* нет утверждения или отрицания того, что ранее снега на полях не было и что отсутствие снега вызвано его выпадением. При этом нельзя отрицать сам факт наличия данных компонентов в семантеме “покрывать”, поскольку именно этим она отличается от семантем типа “лежать / быть / находиться сверху чего-либо”, которые не подразумевают предшествующего акта “выпадения”, т.е. “наложения поверх объекта”.

Нетрудно заметить, что предложение с глаголом НСВ *Поля покрывает снег* по

смыслу идентично предложению со страдательной формой глагола СВ *Поля покрыты снегом*, где (как было показано на примере предложения *Дом построен*), компонент “не было ранее” и каузативный компонент также имеют диктальный статус. Подчеркнем снова, что во всех приведенных здесь предложениях сам компонентный состав лексического значения глагола в формах *покрыл*, *покрывает*, *покрыта* одинаков, так что, несмотря на очевидное противопоставление по статичности-динамичности, эти словоформы все же сохраняют чистовидовую соотносительность: это подтверждается тем, что помимо проиллюстрированного выше “статического” значения, глагол НСВ может также в определенном контексте выразить и “динамическое” значение СВ: *На следующее утро снег снова покрывает (= покрыв) поля*.

Обращаясь к глаголам восприятия типа *видеть/увидеть*, *слышать/услышать*, следует прежде всего отметить, что эти пары бесспорно относятся к чисто видовым, поскольку глагол НСВ в определенных контекстах может выражать значение СВ (*И вдруг он видит ...* = “увидел”). Далее, следует учитывать, что в лексическое значение глаголов восприятия обязательно входит **каузативный** компонент, поскольку под восприятием (ощущением) всегда подразумевается некоторая реакция организма на внешнее воздействие, т.е. состояние, **вызванное** каким-то воздействием на органы зрения, слуха и т.п. В свою очередь, семантема “каузация”, как уже говорилось, обязательно включает в себя компонент “начало существования события-следствия”. Иначе говоря, в лексическом значении глаголов восприятия (независимо от видовой формы) неизбежно должен присутствовать компонент “начало”, и нам остается лишь определить статус компонентов этой семантемы в содержании видовых форм глагола.

Предложение с глаголом СВ *Неожиданно я услышал ее плач* означает “(В указанный момент у меня) **было слуховое ощущение**, [вызванное тем], (что она плакала; ранее данного ощущения не было)”. Каузативный компонент (“вызвано...”) здесь диктален, а противопоставление утверждения “было (в указанный момент)” и пресуппозиции “не было (ранее)” создает представление о “начале состояния” (о возникновении слухового ощущения). Отмеченный модальный статус компонентов может быть подтвержден тем, что в отрицательном варианте с СВ *Я не услышал ее плача* сохраняется истинность утверждения “ранее слухового ощущения не было”, но не утверждается и не отрицается, что “отсутствие ощущения было вызвано ее плачем”. Предложение с НСВ *Я слышал ее плач* означает: “(В указанный момент у меня) **было слуховое ощущение** [которого не было ранее и которое было вызвано тем], (что она плакала)”. В этом случае диктальным оказывается уже не только каузативный компонент, но и компонент “не было ранее”, в связи с чем не происходит и актуализации семантемы “начало ощущения”: предложение с глаголом НСВ не содержит ни утвердительного, ни отрицательного суждения относительно положения дел до указанного момента. Отмеченный статус компонентов снова подтверждается тем, что в отрицательном варианте *Я не слышал ее плача*, где сохраняется истинность утверждения “она плакала”, нет ни утверждения, ни отрицания того, что “отсутствие слухового ощущения было вызвано ее плачем”, или того, что “данного ощущения не было ранее”.

Для полноты картины о возможностях изменения модального статуса компонентов рассмотрим также вариант *Я никогда не слышал, чтобы она плакала*, где событие, названное в придаточном, бесспорно, не утверждается и не отрицается (т.е. остается неясным, плакала ли она когда-либо): в этом случае, следовательно, “диктальным” оказывается уже и содержание придаточной части, которая в предыдущих вариантах сохраняла пресуппозитивный статус. Несмотря на такие различия в модальном статусе компонентов, сам состав лексического значения в глаголах *слышать / услышать* остается одинаковым: компоненты, составляющие значение “начала (слухового ощущения)”, не исчезают из глагольного значения при использовании формы НСВ, поскольку не исчезает каузативный компонент.

Аналогичным образом устроены значения в глагольных парах *обижаться / обидеться, восхищаться / восхититься* и т.п., обозначающих чувства. Поскольку эмоциональная реакция всегда является **результатом** восприятия каких-то событий, можно сделать вывод о том, что данные семантемы содержат каузативный, а, следовательно, и “начинательный” компоненты в обеих видовых формах: *Я не обижаюсь на тебя за то, что ты надо мной смеялся* = “(у меня сейчас) **нет чувства обиды**, [такого, чтобы его не было ранее и чтобы оно было вызвано тем,] (что ты смеялся надо мной)”; *Я не обиделся на тебя за то, что ты смеялся* = “(у меня сейчас) **нет чувства обиды**, (которого не было ранее) [и которое вызвано тем], (что ты надо мной смеялся)”. Пресуппозитивный статус компонента “не было ранее” в семантике глагола СВ приводит к актуализации компонента “начало” (“чувство обиды не возникло”); его диктальный статус в варианте с НСВ препятствует актуализации “начинательности”.

На той же основе, как можно полагать, строятся видовые противопоставления в паре *понять / понимать*, чистовидовой характер которой снова подтверждается возможностью выразить значение СВ с помощью формы НСВ (*И вдруг он понимает... = = вдруг понял*). Хотя в предложении *Я не понимаю смысла фразы* начинательное значение совершенно не ощутимо, все же нельзя сомневаться, что этот компонент должен входить в значение глагола НСВ, поскольку “понимание”, как и “восприятие”, “ощущение”, “чувство”, содержит семантему “каузации”. Действительно, говоря *Я понял смысл фразы*, мы имеем в виду, что “смысл стал для меня ясным в **результате** некоторой переработки заключенной во фразе информации”. Таким образом, описание видовой противопоставления этих глагольных форм будет аналогичным тому, которое было дано выше для глаголов ощущения и чувства. Иное дело – глаголы со сходными соотношениями *знать и узнать*, не являющиеся парными, поскольку здесь значение глагола НСВ не содержит каузативного и, следовательно, начинательного компонента. С другой стороны, названные компоненты уже присутствуют в значении производного глагола НСВ *узнавать*, составляющего чистовидовую пару с *узнать* (*И вдруг я узнаю... = узнал*); при этом глагол *узнавать* может также выражать и “статическое” значение (*Вот теперь я тебя узнаю = узнал*), в котором модальный статус компонента “начало” аналогичен описанному выше для предложений типа *Снег покрывает поля; Поля покрыты снегом*.

Итак, чистовидовая соотносительность во многих случаях сохраняется благодаря наличию в лексическом значении глагола каузативного компонента; естественно, что если в каком-либо из производных значений глагола этот компонент утрачивается, видовая соотносительность будет разрушена. Так, глаголы *составлять / составить* являются стандартной видовой парой в значении “создавать” (*составлять / составить словарь*), поскольку здесь есть компонент каузации и “начала результирующего состояния”. Однако в предложении *Долг составляет / составил огромную сумму*, где оба эти компонента утрачены, уже нельзя говорить о чистовидовой соотносительности: глагол НСВ, обозначающий “равняться указанной сумме”, не может быть употреблен в настоящем историческом в значении “стать равным” и, таким образом, соотношения здесь те же, что между *спать и заснуть* (см. иную трактовку в [Раппапорт 1998]). Аналогичным образом, глаголы *идти и пойти* представляют видовую пару в значении “направляться куда-либо” (*встает и идет к двери = встал и пошел*), содержащем каузативный компонент (“заставлять себя двигаться”), тогда как в значениях, исключаящих этот компонент (*Идет дождь; Процесс идет*) утрачивается и чистовидовая соотносительность (*пошел* = “начал идти”).

Любопытный случай представляет глагольная пара *врезаться / врезаться*, являющаяся чистовидовой при обозначении движения (*Неожиданно машина врезается / врезалась в стену* = “в результате движения начала находиться внутри объекта”), где

присутствуют каузативный и начинательный компоненты, но оказывающаяся весьма своеобразной при метафорическом употреблении (*Отмель врезается / врезалась в море*). В последнем случае глагол в обеих видовых формах обозначает состояние: *врезается в море* = «окружена морем, [и кажется, будто это результат действия “врезания”]»; *врезалась* = «окружена морем, [и кажется, будто до настоящего момента этого не было и будто это результат действия “врезания”]. По-видимому, дело здесь в том, что компоненты “каузация” и “начало”, включенные в семантему сравнения (“кажется, будто...”), представляют диктальную часть значения, вследствие чего начинательность не может актуализоваться даже в глаголе СВ (он в этом случае не обозначает действительного акта “врезания”); по той же причине глагол НСВ не может употребляться в настоящем историческом для обозначения “перехода в данное состояние”. Хотя каузация и начинательность присутствуют в значении обеих этих видовых форм, здесь по существу нельзя говорить ни о сохранении, ни об утрате видовой соотносительности глаголов, поскольку исчезает само видовое противопоставление: как НСВ, так и СВ выражают одно и то же “статическое” значение. В отличие от этого, в рассмотренных выше примерах со “статическим” значением НСВ (*Снег покрывает поля; Поля покрыты снегом; Я тебя узнаю*) чистовидовая соотносительность все же сохраняется, поскольку глагол НСВ в определенных контекстах может выражать “динамическое” значение глагола СВ.

Рассмотрим еще глагольные пары типа *впускать/впустить, разрешать/разрешить*, которые относятся М.Я. Гловинской к “нестандартным”, однако, с нашей точки зрения, таковыми не являются. Предложения *В кинотеатр уже впускали зрителей* (= “в результате действий администрации зрители **могли** войти”) – *В кинотеатр уже впустили зрителей* (= в результате действий администрации зрители **смогли** войти”), различаются семантемами “мочь” (= “иметь возможность”) и “смочь” (= реализовать возможность”), которые в качестве самостоятельных лексем безусловно не образуют чистовидовой пары. Однако в содержании более сложных семантем *впускать / впустить* имеется еще и каузативный компонент (“в результате действий”) и, таким образом, противопоставление значений здесь опять-таки сводится лишь к различиям в модальном статусе компонентов семантемы “начало”, несомненно входящей в значение обоих глаголов благодаря наличию каузативного компонента (см. иное толкование подобных пар в [Гловинская 1982; Апресян 1980]).

Описанные выше различия в модальном статусе компонентов проявляются не только в сфере глагольного вида, но и в некоторых иных случаях своеобразного употребления глагольных лексем. Рассмотрим, в частности, особенности так называемых перформативных глаголов [Austin 1962], а именно глаголов волеизъявления (*просить, требовать, предлагать, клясться, обещать* и т.п.), содержащих компоненты “говорения” и “желания”. В обычных условиях эти глаголы просто описывают акт волеизъявления, поскольку в рему попадает речевой компонент: *Он просил / протестовал ...* = “Он говорил, [что хочет / не хочет, чтобы...]”. При употреблении же таких глаголов в 1 л. ед. ч. настоящего времени в ассертивную часть попадает компонент “желания”, тогда как компонент “говорения” образует пресуппозицию (не затрагивается при введении отрицания): *Я прошу вас мне помочь* = “Я хочу, (говоря это), [чтобы вы мне помогли]”. В этом случае глагол уже не просто описывает, но и непосредственно осуществляет (performs) акт волеизъявления; данный “перформативный” (performative) эффект обусловлен тем, что центральной (рематической) частью в высказывании является выражение **желания** говорящего. Речевой же компонент, не входя в модальную рамку, тем не менее сохраняется в содержании такого высказывания – иначе бы не было эффекта перформативности, как нет его, например, в предложениях *Я хочу, чтобы..., Я согласен с этим, Я против этого* (в отличие от английских соответствий *I agree, I protest*, содержащих как “речевой”, так и “волевой” компоненты и потому являющихся перформативными).

Пресуппозитивный статус речевого компонента в предложениях типа *Я прошу о помощи*, по-видимому, обусловлен именно использованием 1-го лица настоящего времени: нет смысла утверждать *Я сейчас нечто говорю* в ситуации, где об этом информирует уже само звучание речи. Вполне естественно, что при замене глагольной формы лица (*Он просит о помощи*) перформативный эффект исчезает, поскольку здесь речевой компонент уже входит в ассертивную часть (“Он говорит, что хочет от вас помощи”). Впрочем и в этом последнем примере мы также наблюдаем определенный сдвиг в акцентировке компонентов, связанный с переносным употреблением формы времени (*просит = попросил*), к которому мы теперь и обратимся.

Глаголы речи (сообщения) содержат в своем значении несколько предикатных компонентов; так, *сказать* означает “произнести нечто, имеющее некоторое содержание, с тем, чтобы сделать это содержание известным кому-либо”. Вполне естественно, что каждый из этих компонентов может приобретать в высказывании различные модальные статусы. В предложении *Я этого не говорил* в ассертивную часть попадает компонент “**не произносил**”; в предложении *Я так ему об этом и не сказал* – компонент “**не стало (ему) известным**”. Предложение же типа *Что говорит на эту тему Аристотель?* означает “**каково содержание** (того, что некогда произнес на эту тему) Аристотель?” Подобное употребление настоящего времени в значении прошедшего становится возможным благодаря наличию в глагольном значении компонента “иметь содержание”, который по своей семантике не связан с каким-либо конкретным (в частности, с прошедшим) временем. При этом компонент “произнесения” сохраняется в пресуппозитивной части значения глагола, и обозначенное им действие несомненно относится к прошлому. Таким образом, в семантике глагольной формы в данном случае присутствует два времени, однако формально выражено только настоящее, поскольку именно “вневременное” значение становится здесь основным (входит в рему). Естественно, что подобное переносное употребление временной формы недопустимо для других глаголов звучания (*петь, исполнять, играть на инструменте*), не включающих компонент “иметь некоторое содержание”.

Обратим теперь внимание на то, как влияет модальный статус компонентов на сочетаемостные возможности глагола. Достаточно очевидны, в частности, сочетаемостные различия видовых форм глагола: глагол НСВ *решать* (в длительно-процессном значении) сочетается с наречием *долго*, но не с *быстро* или *сразу*; для глагола СВ *решил* верно обратное. Если однако учесть, что состав компонентов лексического значения в обеих видовых формах одинаков, а различия касаются лишь модального статуса компонентов, то можно сделать следующий вывод: подобные сочетаемостные ограничения свидетельствуют о том, что компоненты, не входящие в модальную рамку (пресуппозитивные и, в особенности, диктальные), как правило, лишены возможности взаимодействовать с контекстом, т.е. не могут реализовать соответствующие сочетаемостные потенции слова. Подчеркнем, что эти сочетаемостные ограничения не закреплены за самой видовой формой, а обусловлены лишь той акцентировкой компонентов, на которую указывает данная форма. Именно в связи с этим сочетаемость формы НСВ коренным образом меняется в предложениях типа *Идет к доске и быстро / сразу решает задачу* (где, несмотря на форму НСВ, акцентируется предельный компонент лексического значения), а при многократности действия вообще исчезают все сочетаемостные ограничения, характерные для этой формы: ср. *Он всегда долго (быстро, сразу) решает задачи*.

Сказанное относится и к сочетаемостным особенностям перформативных глаголов. Так, вполне приемлемые в обычном (“описательном”) употреблении сочетания типа *вежливо просить, бурно протестовать, радостно приветствовать* становятся недопустимыми при перформативном употреблении данных глаголов (*Я прошу вас...; Я протестую!; Я вас приветствую*), поскольку в этом случае компонент “говорения”, с

которым и должно взаимодействовать наречие, стоит вне утвердительной модальной рамки высказывания.

Аналогичное явление наблюдается и при переносных употреблении глаголов “речи”, “сообщения”. В частности, сочетание *сообщить вовремя* не может быть использовано в предложении *Сегодняшние газеты сообщают о заморозках*, поскольку взаимодействующий с данным наречием компонент “опубликовать сообщение” не входит в ассертивную часть; иное дело – предложения типа *Газеты всегда вовремя сообщают о заморозках*, где акцентируется именно этот компонент.

Такова же ситуация в случаях, когда различия в акцентировке компонентов закреплены за разными (хотя и близкими) лексическими значениями слова. Так, в глаголе *писать* в значении “письменно сообщать” несомненно сохраняется компонент “изображать буквами”, однако здесь он не входит в ассертивную часть, а образует пресуппозицию; вследствие этого в предложение *Брат мне написал (пишет), что скоро придет* вряд ли можно ввести распространители типа *карандашом, на бумаге, корявым почерком, с ошибками* и т.д. Обратим внимание на то, что подобный (близкий к метонимическому) процесс образования переносного значения (1. *писать пером на бумаге*; 2. *писать о том, что...*) опять-таки связан лишь с изменением модального статуса компонентов, тогда как сам состав компонентов исходного и производного значений остается здесь неизменным. Это явление, по нашим наблюдениям, лежит также в основе метонимических переносов значения (см. подробнее [Гуревич 1985]); оно же принято за основу описания “оттенков” значения слова в [Апресян 1974].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1974 – Значение и оттенок значения // ИАН СЛЯ. 1974. № 4.
- Апресян Ю.Д. 1980 – Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели “Смысл–Текст” // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. 4.
- Богуславский И.А. 1982 – Отрицание и противопоставление // Проблемы структурной лингвистики 1980. М., 1982.
- Гловинская М.Я. 1982 – Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гуревич В.В. 1985 – Модальная актуализация смысловых компонентов предложения и слова // ФН. 1985. № 2.
- Гуревич В.В. 1998 – Семантическая производность в грамматике. М., 1998.
- Маслов Ю.С. 1948 – Вид и лексическое значение глагола в современном русском языке // ИАН ОЛЯ. 1948. 4.
- Рангапорт Г. 1998 – Перфективация состояний // “Типология вида: проблемы, поиски, решения” (Материалы международной научной конференции). М., 1998.
- Austin J.L. 1962 – How to do things with words. Oxford, 1962.
- Wierzbicka A. 1968 – On the semantics of the verbal aspect in Polish // To honour Roman Jakobson. New York, 1968.